

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Закон сильной женщины
С первого взгляда	Без вины преступница
Второй подарок судьбы	Пленная птица счастья
Зеленые глаза викинга	Ничего личного, кроме боли
Тайна, приносящая смерть	Заговор обреченных
Цвет мести – алый	Узнай меня
Не доставайся никому!	Заповедник потерянных душ
Чужая жена – потемки	Ангел мщения
Возвращаться – плохая примета	Первый шаг к пропасти
Врачебная тайна	Вкус запретного плода
Призрак другой женщины	Исповедь обманутой жены
Тайну хранит звезда	Свидетельницы зла
Семь лепестков зла	Королева отшельников
Свидание на небесах	Игры небожителей
Ведьма отмщения	Грех с ароматом полыни
Программа защиты любовниц	Кукла-любовь
Кинжал в постели	Позови ее по имени
Гнев влюбленной женщины	К северу от любви
Лучший день в году	Пепел прошлого
Нирвана для чудовища	Без крестной феи
Незнакомка с тысячью лиц	Псевдоним украденной жизни
Последнее прибежище негодяя	Цена откровения
Счастье с третьей попытки	Конец игры с продолжением
Подвенечный саван	Шоу семейных секретов
Заключение счастья	В интересах личного дела
Торговка счастьем	Правда персонального формата
Амур с оптической винтовкой	Простить нельзя помиловать
Мсть Спящей красавицы	Лабиринт простых сложностей
Демон ревности	Теория вероятного чуда
Преступно счастливая	Забавы мертвых душ
Изменница поневоле	Преступные игры гения

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ЛИЧНОЕ ДЕЛО
СОБЛАЗНИТЕЛЬНИЦЫ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69   Личное дело соблазнительницы : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186680-8

Устраиваясь на работу, Алиса не предполагала, что ее красота станет камнем преткновения. Она вызывала зависть женщин, чрезмерное внимание мужчин. А дальше хуже: стали пропадать важные документы, затем на столе начальника оказались... порнографические снимки Алисы. Распутницу немедленно уволили. Но вскоре подоспело обвинение в убийстве — шефа кто-то застрелил. Все улики указывают на незаслуженно уволенную девушку — но разве она способна на такое?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186680-8

© Романова Г. В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА I

Что такое настоящая мышинная возня, Алиса до недавнего времени совершенно не предполагала и, если честно, никогда не задумывалась, насколько это может быть противно.

Нет, она, конечно же, знала, что в русском языке имеется подобный фразеологизм. Не раз аккуратным почерком выписывала его под диктовку в школе. Знала, что после «ш» следует писать непременно «и» и что слово «возня» пишется через «о», поскольку проверочное слово — «возится». И даже, кажется, попадался ей билет с таким вопросом на одном из экзаменов в институте. Но вот чтобы понять конкретику, в полной мере осознать, прочувствовать, вкусить все прелести этой самой мышинной возни...

Нет, такого испытывать ей не доводилось прежде. А когда довелось, то Алиса едва не сошла с ума.

Началось все с того, что в ее квартире завелись мыши, и еще с того, что она сменила работу. Или наоборот? Сначала она сменила работу, а потом в ее квартире завелись мыши?

Да какая, в принципе, разница, что и зачем следовало! Главное-то было в другом! Главное заключалось в том, что жизнь ее, совершив крутой вираж, вдруг на-

чала меняться прямо на глазах. И, между прочим, не в лучшую сторону. Хотя Алиса и ожидала обратного.

Да, ей хотелось перемен! А кому не хочется?

Да, она устала день за днем таскаться на свое предприятие, изнывающее от тяжелого бремени кредиторского ига и готовое вот-вот разрешиться банкротством.

Устала считать копейки до зарплаты, экономить. С ужасом ждать квитанций на квартплату, которые ей каждый месяц аккуратно просовывали в щель между входной дверью и притолокой. Ей надоело перешивать, перевязывать, донашивать и штопать старую одежду. И она начала искать работу.

Это оказалось не таким уж простым делом, хотя Алиса и жила в областном центре с прекрасно развитой инфраструктурой.

Мешало буквально все.

Никому не нужным оказалось ее образование (Алиса окончила институт культуры). Библиотекарей хватало и без нее.

Никто не воспринял всерьез ее трехмесячные курсы по бухучету и аудиту. Кто доверит свои деньги молодой девчонке без опыта? До этого-то работала диспетчером.

И совершенно не нашлось желающих посадить ее в своей приемной в качестве секретаря-референта. Тут всех руководителей настораживало сразу несколько моментов.

Алиса очень нравилась мужчинам, очень! За это ее ненавидели женщины, почти все, без исключения. И вот за эту женскую ненависть мужчины, которым Алиса вроде бы нравилась, панически ее боялись.

Кому, скажите, захочется иметь проблемы из-за секретарши? Точнее, из-за ее внешности?

Тут вам и жена непременно примется ревновать. И коллектив медленно и планомерно начнет сходить с ума. Женщины — от зависти. Мужчины — от возжеления. И работа-то какая при таком раскладе?! Пускай уж серая мышка торчит перед монитором и методично стучит по клавиатуре, не вызывая ни у кого негативных эмоций. Кроме разве что у шефа...

— Аля! Детка! Будь к людям снисходительнее! — пытался утешить Алису ее давний друг и воздыхатель Антон Матвеев. — Не нужно видеть в них врагов! Они же просто... Просто осторожничают! Кому охота держать подле себя такое произведение искусства, причем в подлиннике?! Это же непомерный груз ответственности!

Слова Антона служили слабым утешением. Осторожничали там с ней, остерегались, боялись или вредничали, она-то по-прежнему сидела без работы. Что необходимо было предпринять, Алиса не знала.

— А ты попробуй по порносайтам пройтись, может быть, там для тебя что-нибудь найдется подходящее, — с паскудным видом советовал Матвеев, уже давно отчаявшийся затащить Алису в постель. — А то ведь так и скончаешься девственницей, Аля...

Он всегда называл ее именно так. Всегда, с самой первой минуты их знакомства, то есть со второго курса института. Антон, правда, тогда учился в машиностроительном, но тоже на втором.

Вот как представилась она ему Алисой, так он сразу ее имя и ополовинил, сам того не ведая, что не стал первооткрывателем.

Ее имя сокращали все.

Те, кто нежно и преданно любил ее, — к этой категории относились в основном родители и родственники, — называли Алей, Алечкой, Алюней...

Те же, кто с трудом терпел и побаивался ее, называли Лисой. Тем более что и внешность ее к этому очень располагала.

Алиса и в самом деле походила на лису. Длинные волосы с приятной рыжиной. Не волосы, а лисий хвост, звучало обычно ей вслед. Высокие скулы, глаза с восточной раскосостью. Маленький аккуратный ротик. И манеры...

Эти вот манеры ее обычно все и портили, доставляя множество хлопот.

— Как ты не поймешь!.. — возмущался обычно Антон Матвеев. — Ну не могут люди принимать твою обходительность и природный такт за чистую монету с первой минуты знакомства. И улыбка эта... Вот скажи, зачем ты всегда улыбаешься?! Зачем?! Даже малознакомым людям!.. Улыбочка-то выходит у тебя совершенно лисья, хитрая, одним словом! Это и настораживает...

Алиса пробовала не улыбаться, когда к ней обращались. Ничего не выходило. Губы упорно расплзались в стороны, и наружу выскакивало что-нибудь эдакое:

— Да, да, я слушаю вас!.. Конечно, я буду рада вам помочь!.. Непременно!.. О, это очень удачная мысль!.. Конечно, получится...

Поверить в искренность такого поведения окружающие не могли. Логика была проста. Если такая колоритная красавица вдруг столь вежлива, отзывчива и

мила, значит, все не так просто. Значит, ей что-то непременно от вас понадобится в будущем. Или, улыбаясь вам открыто и бесхитростно, девочка ведет какую-то свою игру. Интриганка, одним словом...

Самое странное и страшное заключалось в том, что такое впечатление девушка производила на всех, включая потенциальных работодателей. Поэтому уже которую неделю и обивала безрезультатно Алиса пороги в поисках работы.

— Нечего было торопиться с увольнением, — ворчал Антон. — Сидела бы и сидела за пультом, чего тебя вдруг понесло?

— Так сколько можно сидеть за этим пультом в ожидании зарплаты, Антоша! Месяц не успел начаться, квитанции за коммунальные услуги уже на месте! Цены ползут, будто на дрожжах. Скоро лето, а у меня надеть нечего! Просто выхода никакого нет!

— У женщин всегда нечего надеть, — философски замечал Матвеев, тут же складывая губы в ехидную ухмылку. — А что касается выхода, то у тебя он имеется! Я устал ждать ответа на свое предложение, Соловьева! Выходи за меня замуж, и все твои проблемы сразу станут моими. А как только они станут моими, то их не будет вовсе... Ах, прости! Я совсем забыл, ты все ждешь кого-то. Мечтаешь подарить себя одному-единственному... Все! Вопрос снят...

Спорить с Матвеевым Алиса опасалась. Тот всегда и во всем оказывался прав. Это ее и настораживало. Как вот ее красота отпугивала мужчин, так и Антошина правильность отпугивала Алису.

К примеру, собралась она раз в жизни на море. Родители дали ей денег на путевку и пополнение гарде-

роба. Алиса обрадовалась. Целых две недели штурмовала магазины и рынки, что-то примеряла, покупала, складывала в новенький дорожный саквояж. На беду зашел к ней в гости Матвеев. Застал ее за сборами, тут же надулся, принялся ворчать, потом отговаривать, а под конец и вовсе:

— Чем тратить такие средства на пустое времяпрепровождение, лучше бы телевизор новый купила, этот совершенно не показывает. Или диван, например. Что у тебя за диван, Соловьева?! Разве это диван? Это памятник гобеленовым монстрам конца семидесятых! Да и деньги на отдых потратишь зря. — На ее недоуменный вопрос Антон тут же нашел ответ: — А там ураган случится не позже конца следующей недели. Страшный ураган, по интернетовским прогнозам.

— Ну и что! — все еще пыталась Алиса сопротивляться, хотя кривая ее настроения под давлением таких неоспоримых доводов резко ползла вниз. — Подумаешь! Ураган! Я же в санатории буду жить, не на пляже...

— И что! А вдруг этот ураган неожиданно случится. А ты в этот момент как раз в душевой кабинке будешь переодеваться! Спасет тебя тонкая фанерка, как думаешь?!

На море она тогда не поехала, отложила свой отъезд на пару недель. И ураган в это отложенное время, как на грех, случился. И ураган, и шторм даже, к несчастью, унесший жизни нескольких неосторожных отдыхающих. Могла ли она потом противиться натиску Матвеева, который с утра до ночи названивал ей и предрекал скорую гибель в морской пучине? Нет, конечно. Никуда она не поехала. Купила себе новый те-

левизор. Родители, узнав о ее решении и испугавшись случившихся природных катаклизмов, на радостях прислали еще денег. И Алиса приобрела еще и диван.

Антоша Матвеев остался доволен. Алиса нет. То, что он, как всегда, оказался прав, ее просто ошеломило. А то, что пришлось вопреки своей воле пойти у него на поводу, то бишь купить телевизор с диваном, надолго вывело ее из душевного равновесия. Результатом этого явилась полная блокада их встреч и телефонных переговоров.

Матвеев не настаивал. Не звонил, не приезжал, не искал встреч, а вместо этого однажды год спустя... познакомил ее со своей девушкой. Случайной ту встречу вряд ли можно было назвать, поскольку эта парочка прогуливалась неподалеку от предприятия, на котором работала Алиса. Причем прогуливалась в совершенно неприемлемое для прогулок время — в восемь часов утра. В тот момент Алиса как раз сменилась и вышла на улицу из офиса, как тут эти двое.

— Аля! Аля-а-а! Эй!.. Привет, дорогая! — Матвеев отчаянно жестикулировал ей с противоположной стороны улицы, придерживая за талию высокую брюнетку с пышной грудью.

Грудь была настолько пышной, что ее было видно даже со ступенек офиса. К тому же, учитывая время года или желание поклонника, при ближайшем рассмотрении та оказалась практически не прикрыта одеждой. Алиса смогла даже рассмотреть темно-коричневую кромку левого соска девушки.

— Познакомься, это Ванда! — счастливо оповестил ее несостоявшийся нареченный и ткнулся губами в

ложбинку меж пышных грудей своей спутницы. — Ты с работы?

Вопрос прозвучал совершенно по-идиотски. Их присутствие возле ее офиса в такое время выглядело еще более идиотским. К тому же Алисе выпало не самое спокойное дежурство этой ночью, она пребывала в легком раздражении, хотела поскорее добраться до дома, принять душ, завалиться в кровать и проспать до самого вечера. И тут нате вам — Матвеев с какой-то непонятной Вандой.

— Да, Антоша, я с работы, — пропела Алиса и лучезарно улыбнулась, ну привычка у нее была такая, что делать. — А вы, стало быть, с прогулки или только на прогулку? Что-то вам не спится?

Девушка Матвеева мгновенно приняла стойку и прошептала достаточно громко:

— Че она крысится, Тоша? Пошли отсюда!

Матвеев тут же повторил свой оральный заход в область груди Ванды. Кисло улыбнулся Алисе и, подхватив спутницу под руку, куда-то ее поволок. А менее чем через час нарисовался у Алисы дома.

Она только успела выбраться из душа, вымазаться освежающим косметическим молочком и расчесать волосы, как прозвучал звонок в дверь.

— Я устал, Соловьева! — пожаловался Антон, вваливаясь к ней без приглашения. — Я так устал от этой сраной жизни! От того, что не могу ничего в ней помянуть! От твоего тупого упрямства устал! И от таких вот глупых телок тоже!!! Тебе меня разве не жалко, Аля?!

— Ну... почему?.. Наверное, ты заслуживаешь жалости... — начала она осторожно и попятилась, всей одежды на ней было — огромное банное полотенце. —

От меня-то ты чего хочешь, Матвеев? Мне кажется, что мы с тобой уже все выяснили и все решили...

— Это ты решила, Соловьева, не я! — Антон больно ткнул ей пальцем в плечо, уточняя, кто именно принимал решение за них обоих. — Я любил, люблю и буду любить только тебя!!! Единственная женщина, на которой я хотел и хочу жениться, — это ты! Почему я должен тратить свое время на таких идиотов, как эта Ванда?

— Действительно, почему? — пробормотала она, продолжая пятиться.

Алисе было очень неловко от его близкого присутствия. От того, что она была не одета, полотенце еле-еле сходило на груди, а та совсем немногим уступала пышному бюсту Ванды.

К тому же Матвеев был так рядом, и еще он был совершенно расстроенным и плохо себя контролировал. Позволял себе, к примеру, смотреть на нее совершенно непозволительно. Жадно так, не прячась за обычной своей дистанционной вежливостью. И еще... Еще от него просто пыхало странной необузданностью, огнем каким-то непонятным, и это ее незнакомо обжигало и пугало одновременно.

— Я отвечу! Я отвечу тебе почему! — не снижая оборотов, воскликнул Матвеев, снова сокращая расстояние между ними до неприличного минимума.

Точнее, он припер ее к стенке, плотно прижавшись своим животом к ее. И принялся дышать ей в шею судорожно и жарко.

— Антон! Прекрати немедленно!

Не то чтобы она испугалась, нет. Просто ново все это было для нее. Ново и будоражаще.

Она почти голая. Антон, огромный и неуправляемый, так тесно к ней прижимался, что она чувствовала всего его. Всего, включая запретное!

Именно это ее настораживало и отпугивало, и именно это могло вылиться во что-то совершенно непозволительное. А она... Она просто не хотела торопиться, только и всего. И когда он с силой сдернул с нее полотенце и, подхватив на руки, потащил в спальню, Алиса повела себя совершенно не по-взрослому. Она принялась брыкаться и орать что есть мочи.

— Отпусти меня немедленно, придурок!!! Слышишь меня!!! Отпусти, или я сейчас дам тебе в морду!!!

Матвеев не отпускал. Он почти бегом преодолел препятствие в два ее крохотных коридорчика, ногой отбросил дверь спальни, швырнул Алису на кровать и упал рядом, тут же подмяв ее под себя.

— Нет!!! — верещала Алиса, тщетно пытаясь из-под него выбраться. — Нет, слышишь!!! Антон, отпусти меня немедленно!!!

Антон не слушал и не слушался. Он что-то такое вытворял своими губами с ее кожей, отчего ей было почти больно, потому что жгло непереносимо. Может, он ее кусал тогда?! Может...

Она, ничего уже не понимая, продолжала пинаться, кусаться и ругаться. Внезапно она почувствовала, что между ними больше нет преграды из его джинсов и рубашки. И с ужасом представила, что все вот-вот произойдет, через какую-то секунду, другую. И тогда...

— Я!.. Я тебя ненавижу, Матвеев!!! — прокричала она ему прямо в ухо и неожиданно даже для самой себя расплакалась. — Я ненавижу тебя, гад!!!

Он тут же затих, прекратив ее щупать, гладить,

целовать. Прежний пыл выдавало лишь его необузданное дыхание, со свистом вырывающееся из легких. Потом Антон перевалился на бок, встал и, не стесняясь собственной наготы, прошелся по ее спальне.

— Оденься немедленно! — заверещала Алиса, отводя от него взгляд и прикрываясь покрывалом. — Что ты тут устроил?! Что ты себе вообще позволяешь?! Оденься и уходи немедленно!!!

Антон, казалось, ее не слышал. Стал к ней спиной у окна и, скрестив руки на голом торсе, о чем-то напряженно думал. Потом буркнул что-то себе под нос совершенно неразличимое и только тогда уже принялся одеваться.

— Вот, оказывается, в чем дело, Соловьева! — протянул он со злой ухмылкой, когда застегивал последнюю пуговицу на своей рубашке. — А я-то, дурак, все думал, думал столько лет... Что, думаю, за причина?.. Оказывается, все дело в ненависти... Лихо! Лихо у тебя получается...

— Что? — Идиотская улыбка чуть тронула ее губы.

— Вот это все! — Антон обвел пальцами контур своего лица. — Прятать свои истинные чувства за ангельским фасадом... Улыбаться, казаться приветливой, не отказывать мне в дружбе, а на самом деле... Как ты могла столько времени притворяться, не пойму! Как могла, ненавидя меня, со мной общаться?! Гулять, проводить иногда время... Логично предположить, что тебя воротило в то самое время, когда я заказывал для тебя кофе, скажем...

— Антон! Антон, замолчи! — взмолилась Алиса, снова с ужасом признавая его правоту. — Все не так! Не так, и ты это знаешь!

— А как?! Как не так, Аля?! Ты только что сказала мне это! — Он потыкал указательным пальцем в сторону развороченной постели. — Ты сказала мне, что ненавидишь меня! Этого мало?!

— Я совсем не это имела в виду... Я... я хотела сказать, что ты не можешь... Ты не должен был этого делать!.. Это насилие! Я... я не могу так, пойми! — Ей снова захотелось плакать от жалости к самой себе и к нему, непутевому.

Ну, почему все именно так должно было случиться и завершиться? Почему? Она же понимала, что эта их встреча может оказаться последней. Что Матвеев просто-напросто не захочет ее больше видеть и не простит этих слов. А ей совершенно не хотелось терять Антона! Не хотелось терять друга.

Он же незаменим был в роли друга, просто незаменим...

— А как ты можешь?! Как?! Ты скажи! Намекни только! Я же пойму! Я совсем не тупой!!! — закричал он, снова бросился к ней и, ухватив за плечи, опять прижал к себе. — Я люблю тебя, Соловьева! Я так люблю тебя... И забыть пытаюсь, и сплю с кем попало, все бесполезно, понимаешь!!! Если хочешь... Если хочешь, я подожду. Я буду ждать, сколько ты скажешь, Алечка! Милая моя... Господи, ну за что мне такое наказание!..

Она сжалась вся от его боли, которую ощущала почти физически, и от близости его тоже. Он снова оказался рядом. Снова трогал ее и целовал. А ей опять сделалось страшно и неприятно.

— Антон, Антон, не нужно! — Она вывернулась и отползла к стенке. — Не дави на меня! И не пытайся

ускорить ход событий таким вот способом! И вообще... вообще... вообще я еще девушка, вот!

— Что ты?! Ты?! Девушка?! Соловьева... Ты это ври, да не завирайся! — Кажется, он ей не поверил. Во всяком случае, смотрел на нее совершенно как на ископаемое. — Тебя же в институте только ленивый не провожал. Там же каждый был в тебя влюблен, кажется. И ты хочешь сказать, что... Нет! Нет, я не верю! Ты нарочно меня обманываешь! Ты просто ищешь оправдание собственной грубости и поэтому...

— Тем не менее это так.

Алиса закусила губу от досады. Никогда бы она не могла представить, что ее достоинство — так она оценивала собственную непорочность — будет воспринято Матвеевым как нечто, выходящее за пределы понимания.

Ну, не спала она ни с кем, и что?! Не хотела, боялась, не желала...

Да сотня причин каждый раз находилась, чтобы отказать, оттолкнуть, прогнать в самый последний момент.

— А чего это вдруг, Соловьева? — Антон подозрительно прищурился. — Ты не лесбиянка случайно? Так ты скажи, а то, может, я зря надеюсь.

— Случайно нет! — Алиса даже покраснела от такого подозрения. А потом воскликнула запальчиво: — Может, я себя для мужа берегу! И что здесь такого?! Мне не нужен никакой сексуальный опыт, я хочу все познать только с ним! И нечего скалиться, Матвеев, понял!!!

Верила ли она сама в то, что говорила? Верила, наверное. Во всяком случае, так она решила для самой

себя еще в институте, когда общежитская вольная жизнь накрыла всех знакомых девчонок и те принялись направо и налево дарить себя кому ни попадя.

У нее все будет не так! Все будет по-другому! Она не хочет с Сашей, Вовой, Витей, Колей просто потому, что так принято в лихом студенчестве. И просто потому, что у них сегодня вечеринка и она непременно должна с кем-то остаться после того, как закончатся танцы. Случайный секс для накопления опыта был ей противен. Другого за минувшие годы Алисе не предлагали. Кроме Матвеева, конечно. Но он только теперь стал так настойчив. Прежде же никогда себе ничего такого не позволял...

— Ладно. — Антон поднялся с ее кровати, попытался задернуть развороченные простыни покрывалом, но лишь обнажил ей ноги, от чего Алиса снова заволновалась. — Будем считать, что ты мне ничего не говорила, в плане оскорблений, а я ничего не слышал и не делал. Извини, конечно, что обезумел, но обстоятельства непреодолимой силы, сама понимаешь...

Алиса не понимала, хотя и догадывалась. Ограничилась молчаливым кивком, вроде соглашаясь, и коротко попросила, когда Антон выходил из спальни:

— Антон, ты дверь захлопни входную, ладно?

Он в ответ также молча кивнул, потом громко захлопнул за собой дверь. И вот как будто вместе с дверью закрыл все в их отношениях. В смысле — все темы. Никогда после этого Алиса не подвергалась нападениям Матвеева, она ведь именно так классифицировала его утреннюю выходку. Никогда не услышала от него ни намека на то, что он чувствует, или страдает, или скучает,

к примеру. Ничего ровным счетом не происходило! Ничего...

Но это, правда, только в ее жизни. У Матвеева-то она продолжала бить ключом.

Он оставил государственную службу, влез в какой-то сомнительный бизнес, покрутился там немного, поднаторел, оброс связями и средствами и затеял свое собственное дело.

Дело, вопреки прогнозам их общих знакомых, покиснув немного на кредитах, неожиданно полезло в гору, причем стремительно. Матвеев обзавелся новенькой квартирой в центре, потрясающей машиной, начал разбираться в пиджаках и галстуках. Их у него развелось великое множество. Ну а вместе с этим добром у него появилось великое множество девиц. Уж по каким параметрам Антон их выбирал, Алиса затруднялась ответить. То ли под галстук, то ли под пиджак с рубашкой, то ли вообще к ботинкам примеривал. Но девицы всякий раз оказывались совершенно разными. Каждая последующая была полной противоположностью предыдущей. Алисе иногда казалось, что Антон сам давно запутался в своих девицах и не помнит, как какую зовут.

Но с советами не лезла, дабы не ворошить, не давить, не делать больно. Молча и кротко наблюдала со стороны, порой чувствуя досаду на него, а иногда и на себя. Чего уж тут душой кривить, злилась, злилась на себя, и еще как!

Не была бы столь принципиальна и щепетильна в вопросах выбора партнера, давно бы уже вышла за Матвеева замуж. Нарожала бы ему детей и жила бы

безбедно за его широченными плечами и за солидной вывеской на его двухэтажном офисе.

Но нет! Нельзя теперь. Ладно. Время, когда Матвеев был никем и любил ее, и добивался, безвозвратно упущено. Теперь Антон если и продолжал любить ее, то старательно об этом умалчивал. Добиваться ее он тоже перестал, так намекает раз-другой, да и то в контексте какого-нибудь саркастического выпада. Как вот тогда, когда она отчаялась найти себе подходящую работу. И все! Больше ни слова о том, что он все еще мечтает отвести ее к алтарю.

Не могла же она сама сказать ему, что, несколько лет поразмыслив, пришла, наконец, к выводу, что он — Антон Матвеев — как раз и есть тот самый единственный и неповторимый, с которым бы она и которому бы она...

Раньше надо было говорить, когда Антон был нищ и гол! Теперь поздно. Теперь он богат, во всяком случае в ее понимании. Богат, самоуверен и жениться, кажется, и вовсе раздумал.

Алиса с тоской посмотрела на хмурое небо, провисшее серым лоскутом. Того и гляди дождь начнется, а она без зонта и, полдня проблуждав в поисках работы, так ни с чем и возвращается домой.

Может быть, действительно стоило воспользоваться советом Матвеева и запустить свое резюме в Сеть? Глядишь, кто-нибудь и клюнет. Сколько можно впустую таскаться по городу и обивать пороги всяких сомнительных контор?! Последние туфли на этих самых ступеньках можно оставить. Набойки уже ни к черту, а это минус пара сотен, если в ремонт сдавать.

Первая капля дождя упала рядом с носками ее ту-

фель, заставив слежавшуюся на обочине пыль судорожно сжаться. Тут же следом опустилась вторая, затем третья, и через мгновение дождь бодро защелкал по бордюру, забрызгав ноги Алисы почти по щиколотку. Надо было срочно спастись бегством, срочно. Иначе нечего было и думать продолжать поиски работы. Волосы сваляются, тушь потечет, юбка промокнет, что уж говорить о тонкой блузке. Вымокнув, так облепит ее формы, выставив на обозрение почти прозрачный лифчик и пупок. Станут с ней разговаривать в таком виде, если к тому же начальником окажется женщина.

Алиса, покрутив головой по сторонам, тут же припустила в кофейню со сладким названием «Ванильная». Цены здесь, по слухам, были заоблачные, но она ничего такого заказывать и не собиралась. Просто переждет дождь, выпьет крохотную чашечку кофе, полистает газеты, может, найдет еще полезное объявление.

В кофейне действительно пахло ванилью. Запахом этим пропиталось, кажется, все вокруг. И хрустящие кружевные скатерти на столиках, и салфетки, закрученные в тугий свиток, и молоденькие официантки, снующие по залу в розовых коротких платьицах с белоснежными наколками.

Алиса опасливо ступила на сверкающий паркет и тут же виновато глянула на забрызганные туфли. На следит ведь...

Потом, быстро оглядевшись и убедившись, что на ее обувь никто здесь не обращает внимания, скорыми шажками прошла в самый дальний угол за столик возле огромного овального окна, задрапированного нежно-розовой тафтой. Уселась, снова быстро глянула по

сторонам и лишь после этого взяла в руки меню. Раскрыла, прочла и едва не задохнулась от испуга и возмущения. Нет, она, конечно же, понимала, что комфорт, обслуживание и качество приготовленного стоят денег, но ведь не таких же! Где же это видано, чтобы крохотная чашечка кофе стоила столько же, за сколько она покупает в супермаркете целую банку! Даже удивительно, что данное заведение до сих пор не разорилось, накрутив такие цены.

Не разорилось, как ни странно. Даже более того, минут через пять в кофейне набилось столько народу, что к ней за столик попросилась молодая женщина.

— Это мое обычное место, знаете, — со смущенной улыбкой объяснила незнакомка, отодвигая легкий стул с витой спинкой. — Я бы села куда-нибудь еще вопреки обычаю, но видите, что здесь творится! Дождь...

Алиса никогда и ни за что не была бы против, не окажись женщина такой красавицей да еще при таких деньгах. Не успев занять место напротив нее, дама тут же принялась заказывать. И кофе, и пирожные, и мороженое, и фрукты...

В тысячу ни за что не уложится, решила Алиса. С тоской глянула на свою чашечку с недопитыми кофейными каплями и тут же поспешила уткнуться в газеты, разложенные перед ней веером. Правда, часть потом пришлось перекладывать на колени, слишком уж много места заняло то, что заказала себе ее соседка.

— Интересное что-то пишут? — вдруг задала вопрос молодая женщина, выдвинув подбородок вперед и глянув на газету, тут же сморщилась пренебрежи-

тельно, пробормотав: — Не люблю прессу! Болтовня одна и пустое времяпрепровождение!.. Вы не составите мне компанию?

Алиса растерянно глянула на нее.

Угощаться за чужой счет она не любила, тем более угощаться за счет совершенно незнакомого человека. Поэтому Алиса вежливо улыбнулась и пробормотала:

— Извините, но мне, кажется, уже пора.

— Да бросьте, милая девушка! Бросьте стесняться! И куда это вам пора, посмотрите, что за окном творится!

Дождь и в самом деле не прекращался, методично отщелкивая по стеклу звонкой капелью. Ближайшая к кофейне автобусная остановка была переполнена. Люди жались друг к другу, пытаясь спрятаться под навесом. Нечего и пробовать прибиться к ним, вакансий не было. На такси после этой крохотной чашечки кофе денег не хватило бы. До дома далеко. А тут, как на грех, на глаза попало весьма затейливое предложение о работе с частичной занятостью и весьма солидным заработком. Стоило попробовать бы, а тут такое светопредставление.

— Мне все равно одной всего этого не съесть! Ну же, не будьте такой занудой!.. А, может, у вас аллергия на сладкое и..

— Да нет у меня никакой аллергии. Денег у меня просто нет, вот поэтому и.. — Что поэтому «и», Алиса не знала, заводить разговор о том, что не любит и никогда не любила «халяву», ей не хотелось. — Вы меня простите, бога ради, я, наверное, пойду.

— Да куда вы не пойдете! — кажется, всерьез рассердилась ее соседка по столику. — Зря, что ли, я

все это заказывала?! Думала, посидим в приятной обстановке, поболтаем. Я, знаете ли, люблю болтать с незнакомыми мне людьми. Поговорил и забыл. А знакомые тут же все это в сплетню переведут, переиначат, бр-р-р... Одним словом, сегодня вы мой духовный отец. Или мать? Ну, да это неважно! Кстати, вот вы сказали только что, будто бы у вас нет денег и все такое... А что так? Муж не дает на карманные расходы?

— Так и мужа нет. — Алиса кисло улыбнулась незнакомке, та ей понравилась, если честно: открытая, непринужденная, без комплексов совершенно и такая красавица, глаз не отвести.

— У вас?! Нет мужа?! Да ладно! — Незнакомка откинулась на витую спинку и глянула на Алису со смесью неверия и жалости. — Чтобы у такой красавицы и до сих пор не было мужа... Вам ведь нет еще и двадцати пяти, так?

— Двадцать три, — уточнила Алиса, с благодарностью приняла из рук собеседницы блюдце с пирожным и тут же вонзила в него крохотную чайную ложечку. — Двадцать три исполнилось недавно. Так что у меня все еще впереди.

— А вот это вы зря, милая. Эта самоуверенность красивых женщин... Ох, как часто она их подводит! Как часто оставляет в одиночестве в самый неподходящий момент, — задумчиво пробормотала соседка по столику, принимаясь за мороженое, успевшее чуть подтаять.

— Это в который? — вежливо поинтересовалась Алиса, хотя оторваться от пирожного сил стоило великих, до того оно было великолепно. — В который момент, что самый неподходящий?

— Это в тот самый, когда красота увядает, в какой же еще! Грудь обвисает, по утрам вокруг глаз темные круги, живот не так мягок и упруг, а тут еще целлюлит, о котором наши бабушки и представления не имели. Знаете, иногда я завидую им! Насколько же легче им жилось тогда!.. — Она чуть помолчала, потом отхлебнула кофе и проговорила с улыбкой, глядя поверх чашечки на притихшую Алису. — Вы очень красивая, знаете? Так вот и пользуйтесь! Тратьте то, что даровал вам господь, а не пересыпайте нафталином, пряча в сундук. Выходите замуж, черт побери!

— Да за кого? За кого? — заразившись ее жизнерадием, Алиса невольно рассмеялась.

— Да за кого угодно! Выходите, главное! Не получится, разведетесь и еще раз сходите! — Тут уж и незнакомка принялась смеяться. — Чем сидеть в ожидании принца... Его же надо искать! А это не так просто! Он же — принц настоящий — не станет тыкать в себя пальцем и заявлять, что он принц и что в гараже у него белый конь имеется. Он будет скромно молчать до поры до времени, а догадаться очень сложно. Вот и надо...

— Бесконечно выходить замуж? — подсказала Алиса, потому что ее собеседница неожиданно умолкла, уставившись на газету, которая лежала теперь на самом краешке стола.

— Бесконечно не нужно, — пробормотала та рассеянно и потянула газету к себе. — А вот парочку раз сходить никогда не вредно... Пойдите, а вы что здесь пытались вычитать? Объявления о найме?! О, господи! Вы ищете работу?! Кстати, как вас зовут, милая?

Алиса назвалась тихонечко, недоумевающая про себя. Если ей не изменяли зрение и природная наблюдательность, то разницы между ними — самое большое

лет десять, но дама вела себя так покровительственно, будто ей далеко за полтинник. Может, наличие денег в ее дорогом кошельке этому способствовало. Или... Или так было принято в ее кругах: говорить покровительственно с теми, кто ниже по статусу?

Алиса тут же представила себя на ее месте.

Вот она, к примеру, жена Антона Матвеева. Выходит из дорогого автомобиля, закидывает на левое плечо дорогое манто и идет, не глядя под ноги. Входит, садится возле окна и, красиво щелкнув пальцами, подзывает официантку. Она должна будет ей непременно сказать «милочка» или что-то в этом роде. И глянуть так — свысока, хотя и сидеть будет за низким столиком. Глянуть так, чтобы девушке непременно захотелось нагнуться и поймать ее взгляд...

Ни черта не получалось, вот беда! Не получалось ни взгляда такого, ни появления эффектного, все смазывала ее идиотская лисья улыбка. И как, простите, она сможет поглядывать на народ свысока, если она весь этот народ любит!..

— Алиса... Алиса... Красивое имя, милое, очень вам подходит. Может, за знакомство по такому случаю, а, Алиса? Я в смысле, выпьем? — Инга, так собеседница представилась Соловьевой, перегнулась через стол и, стрельнув глазами по сторонам, прошептала: — Дернем по капельке ради такого случая, а?

— Ой, я не могу! — испугалась сразу Алиса, скоротечного панибратства с выпивкой и последующего отдыха за городом она тоже побаивалась, не любила стремительности в отношениях, может, потому до сих пор и одна...

— Это почему? — Инга искренне удивилась, вы-

прямяя узкую спину и складывая руки под высокой грудью. — Что вас останавливает? Вы за рулем?

— Нет, что вы! У меня и машины-то нет!

— Ни мужа, ни машины, ни работы, ни денег! — начала перечислять новая знакомая, загибая красивые пальцы на правой руке. — А она пить отказывается! Тебе запить на неделю положено при таком раскладе... Ничего, что я так вдруг сразу на «ты»?

— Все в порядке, — промямлила неохотно Алиса, уже жалея, что зашла в эту кофейню, люди здесь безделье коротают, а ей еще бегать и бегать. — Просто я на сегодня наметила нанести еще один визит.

— Кому, если не секрет?

— Не секрет. Вот по этому адресу. — Она подо двинулась к Инге поближе, отыскала прочитанное ею объявление и подчеркнула его острым ногтем. — Вроде заманчивое предложение. Частичная занятость, дополнительный заработок и все такое...

— И все такое! — передразнила ее Инга и глянула на нее почти с материнской жалостью. — Представляешь, в чем будет заключаться твоя частичная занятость?!

— Нет пока...

— Вот именно, что пока! Потом поздно будет, когда контракт подпишешь... Вот что мы с тобой сделаем... — Инга тут же без лишних слов полезла в свою сумочку, извлекла оттуда мобильник размером с зажигалку и, ткнув пальцем в одну из кнопок, пропела спустя мгновение: — Привет, мой сладкий! Ага... Так точно! Догоуливаю законный отпуск... Нет, не скучаю... В компании, а как же иначе!.. Тебе бы тоже понравилось, уверяю... Да, кстати, ты там разобрался со своей помощницей, нет? Ну... Ну! Да то и пристала, что я тебе ее, кажется,

нашла! Где? В Караганде! Сидит в кофейне напротив меня и смотрит на меня лисьими глазищами. Да нет, не из зоопарка, издеваешься?! Просто на лисичку она похожа... Угу!.. Знаю, знаю я твой вкус, потому и звоню..

Разговор Инга свернула неожиданно, звучно поцмокав прямо в трубку, это она так своего сладкого целовала на прощание. Убрала телефон обратно в сумку. Уложила затем локти на стол, посмотрела на Алису долго и требовательно и проговорила наконец:

— Ну что?!

— Что?

— А то! С тебя теперь причитается, милая, стопроцентно! Я только что устроила тебя на работу помощницей по работе с документами! К своему мужу, между прочим! Мужик, скажу я тебе, обалденный! От него там половина баб в офисе млеет, но ему-то никого, кроме меня, не надо. Так что не вздумай влюбиться! Поняла? Обещаешь?!

В этот момент Алиса была готова обещать Инге все, что угодно. А уж это тем более! Да к чему ей чужой муж?! Зачем он ей?! Ей и собственного недосуг заводить, а уж с чужим валандаться. Да и непорядочно это, если не сказать конкретнее, по отношению к Инге. Она так участлива...

— Обещаю! — твердо выговорила она и пожала протянутую Ингой руку. — Обещаю, Инга. Как я вам благодарна! Даже не знаю, что я смогу для вас сделать, чтобы отблагодарить.

— Как-нибудь сочтемся, — загадочно обронила Инга, подзывая официантку. — А сейчас мне пора. Вот визитка. На ней адрес. Приходи в понедельник к девяти утра, пропуск на тебя будет у охранника. Все! Пока, пока...

ГЛАВА 2

Что надеть в первый рабочий день на новое рабочее место в сорокаградусную жару?!

Этим вопросом Алиса промучилась все выходные, перебирая свой нехитрый гардероб. Путного ничего не находилось. Нет, у нее было платье. Вполне приличное. И длина по колено, и никакого декольте, и ткань легкая, но в том-то и дело, что легкая. Платье неприлично просвечивалось, рассмотреть контур ее ног и того, что было выше, не составляло особого труда. Для этого ее даже не надо было на свет выставлять.

Платье Алиса забракowała, задвинув его вместе с вешалкой в дальний угол шкафа. Летний костюм занял соседнее место, потому как блузка застегивалась всего на две пуговицы, открывая как верхнюю часть груди, так и пупок. Сарафан обнажал спину. В футболке идти неприлично. В черных брюках жарко. Белых не было. Обе юбки, что покупались к несостоявшемуся отдыху на море, неприлично коротки.

Что делать, Алиса не представляла. Ну, просто хоть плачь или от места отказывайся. И пришлось сделать то, что делать она зареклась давно и безуспешно, как оказалось.

Она позвонила Антону Матвееву.

Удивительно, но тот оказался дома.

— Я слушаю тебя, слушаю! — произнес тот, как ей показалось, рассеянно и кому-то что-то прошептал; ясно, что был не один. — Что ты хочешь от меня, Соловьева?

— Дружеского совета, — выдохнула Алиса, ненавидя себя за малодушие, зарекалась же звонить ему.

— И?! Какого рода совет тебе нужен? — нетерпе-

ливо произнес Антон, выслушал ее, беспрестанно чем-то шурша, и закончил ее заунывный монолог: — И теперь тебе нечего надеть, как, впрочем, всегда. А впечатление произвести очень уж хочется. Но впечатление такое, чтобы не пугать людей прямо с порога. Я угадал?

— Ага! Ты же всегда прав, Матвеев! — Алиса кисло улыbnулась, радуясь изо всех сил тому, что он ее не видит сейчас: настолько жалкой и беспомощной она себе казалась. — Платье все просвечивается, юбки непозволительно коротки, единственная блузка...

— Я помню эту блузку, Аля, — прервал ее Матвеев с ласковой угрозой в голосе. — Ну а от меня ты чего хочешь? Я так и не понял?! Чтобы я все сейчас бросил и провез тебя по городским бутикам? Или, постой, угадаю... Чтобы я одолжил тебе свою кредитку, а проехаться по бутикам ты легко сможешь и без меня. Так?

— Я просто хотела взять у тебя немного денег в долг! Нечего разыгрывать из себя страдальца, Матвеев! Я же верну тебе! Всегда возвращала и теперь... — Она разозлилась на него и за тон его непозволительный, и за непозволительную пронизательность.

Как всегда! Все как всегда!..

— Дело не в деньгах, Соловьева, — тихо возмутился Матвеев и даже, кажется, прикрыл трубку ладонью; точно ведь у него кто-то был.

— А в чем?! Волнуешься за мою будущую кредитоспособность?! — Ей захотелось расплакаться от бессилия и от того еще, что приходилось перед ним унижаться.

Конечно, она могла бы попросить и у знакомых, но

кто столько даст?! И кто согласится ждать так долго, как Матвеев?!

— Ты, блин, не посоветовалась со мной, когда устраивалась куда-то там! — завопил в трубку Антон свистящим шепотом, и как горло не надорвал в таком надсадном сипе, не понятно. — Не обратилась ко мне за советом! Мало ли что там может быть!.. Что за фирма?! Может, рога и копыта... Может...

— Короче! — закричала на него Алиса, не выдержав его гнева. — Дашь денег или нет?!

— Если да, то что? — нисколько не убавляя накала, принялся допытываться Антон. — А если, нет, то что?!

— Если да, то я подъеду минут через десять. А если нет... Тогда...

— Тогда иди к черту! Я угадал?!

— Как всегда. — Алиса удивленно дернула подбородком; он снова оказался прав, именно это она и собиралась сказать ему через секунду. — Так что?!

— Приезжай! — заорал тогда на нее Антон в полный голос, забыв о конспирации. — Приезжай, только одежду для тебя буду выбирать я сам!

— И на том спасибо. — Алиса невольно улыбнулась.

Может, он и не успел ее еще разлюбить, а?! Может, перебирает девчонок, ищет кого-то похожего, пытается сравнивать, забыть, а в глубине души по-прежнему болен только ею? Хорошо бы...

Честно, она теперь так думала. Только так, и никак иначе. Сказать вот только не могла, он же сразу ее в алчности уличать начнет или еще в чем похуже.

Собралась Алиса минут за пять. Натянула джин-

совые шорты чуть выше колена. Надела ту самую кофточку, что на двух пуговицах. Закрутила волосы повыше, чтобы не было так жарко. На ноги легкие шлепанцы — и на остановку.

Транспорт, словно по ее заказу, был подан без промедления. Десять минут в дороге до центра. Потом пятиминутное препирательство с консьержкой в матвеевском подъезде, и потом...

А она ведь волновалась, нажимая на кнопку его звонка. Причем волновалась так, что даже во рту пересохло и сердце принялось колотиться о ребра, намереваясь вырваться наружу.

Он ведь не один был! Точно не один. Не просто же так понижал голос до шепота. Никогда так со своими подружками не церемонился, разговаривая с ней по телефону. Может быть, на этот раз у него все по-другому? Может, теперь у него все серьезно, и...

— Добрый день, Алиса, входите. — На пороге квартиры Матвеева стоял совершеннейший ангел и взирал на нее самыми прекрасными на свете голубыми глазами, причем по-ангельски взирал, без издевок, ревности или нахальства. — Входите, Антон сейчас выйдет к вам.

Так ей и надо!!! Так и надо, дуре!!! Что, думала Матвеев будет до гробовой доски по ней сохнуть и не посмеет никогда и ни в кого влюбиться?!

Как бы не так! Жизнь-то не стоит на месте, вот и Матвеев не устоял. Да и попробовал бы кто устоять против такого совершенства! Совершенство внешности, стиля, поведения...

Без истерик, без нервозности, совершенно спокойно: «Добрый день, Алиса...» Она бы смогла так? Как

сказать! Сейчас вот распсиховалась и Матвеева готова растерзать.

Вот только появится, гад! Только выйдет к ним в гостиную, где они пытались вести непринужденную беседу, принужденно улыбаясь друг другу. Она ему такого устроит... Она ему... Она не возьмет его денег, вот! Не возьмет и гордо удалится... Так она и сделает.

Не сделала. Сидела, как последняя дура, вжавшись в его великолепный диван, и с тоской душевной наблюдала за тем, как Матвеев распускает хвост перред Ангелиной.

Ангелиной ее звали, Алиса не ошиблась, сравнив девушку с ангелом. Даже имя у нее оказалось ангельским.

— Все в порядке, детка? — Это он когда из душа вернулся, весь пахучий, свеженький, гладко выбритый. — Не скучали тут без меня?

На Алису он из вредности не смотрел. Это она так решила, потому что, реши она по-другому, ей совершенно расхотелось бы жить.

— Тебя отвезти, малышка? — это Матвеев пропел, успев вставить запонки в прорехи манжет на рубашке.

Малышка от его услуг отказалась и вообще вела себя как-то стесненно. От поцелуев его навязчивых уклонялась, морщилась чему-то беспрестанно.

Может, они блефуют и нет у них никакого романа, с надеждой подумалось Алисе. Матвеев, он же такой авантюрист, что ждать от него можно было всего, чего угодно. И он запросто мог разыграть любовную сцену на ее глазах лишь для того, чтобы она побесилась и поревновала.

Мог, но не стал, поскольку Ангелина, уходя, с не-

обычайной нежностью в голосе попросила его позвонить или забрать ее завтра на ночь к себе.

Вот так-то!..

— Давно ты с ней? — не выдержала Алиса гнетущей тишины, повисшей в машине, когда Антон вез ее в магазин.

— Тебе-то что?! — воскликнул он с удивлением и покосился в ее сторону. — Давно, недавно... Это что-то меняет?

— Для меня, да, — не хотела, да ответила она именно так.

Матвеев еще более удивленно присвистнул и протянул, почти не глядя на дорогу:

— С каких это пор тебя стала интересовать моя личная жизнь? Ну и я вместе с ней, а, Соловьева? Ты что же, приревновала меня к Ангелине?!

— Я?! Приревновала?! — попыталась, было, возмутиться Алиса, но тут же сникла под его насмешливым взглядом. — Наверное, ты прав, приревновала. Злилась чего-то, глядя на нее, а чего, и сама не пойму. В смысле, не знаю, как это называется..

— Симптоматика позитивная, конечно, сказать нечего. — Кажется, он развеселился. — Но поделаться ничего не могу, Аля. Кажется, я ее люблю!

— Понятно... — качнула она головой и отвернулась к окну, потом все же, подумав, добавила: — Такую девушку трудно не любить. Она необыкновенно хороша.

— Ага! — согласился он и больше уже не раскрыл рта, но упорно веселился всю дорогу, то и дело хмыкая и улыбаясь.

Они подъехали к одному из модных в их городе магазинов, где в хозяевах числился кто-то из друзей

Матвеева. Вошли в отдел легкой женской одежды, и тут началось...

Алиса прокляла свое легкомыслие, заставившее ее позвонить Матвееву. Он просто измучил едкими замечаниями. То повернись, то пройди, то переоденься, то не горбись и не волочи ноги...

— Больше не могу!!! — завопила она, отослав продавца-консультанта за очередным ворохом тряпья. — Ты просто издеваешься надо мной!

Она устала, вспотела и выглядела теперь как загнанная лошадь, только что пена клочьями не висела на боках.

— Я не издеваюсь, а пытаюсь помочь, — резонно возражал Матвеев и снова заставлял ее примерять.

Результатом его двухчасовых экзекуций стали два объемных пакета с юбками, легкими брюками, блузками и платьями.

— Это очень дорого, Матвеев! — кисла она всю дорогу, пока он вез ее домой. — Мне за всю жизнь с тобой не расплатится.

— Ничего страшного, — улыбался он со значением. — Будешь вечным моим должником.

Препираясь, они доехали до ее дома, поднялись к ней в квартиру, и только тут Матвеев потребовал подробностей ее неожиданного трудоустройства. Алисе пришлось рассказать, а потом еще и отвечать на многочисленные вопросы, следом поить его чаем и тоже пообещать, что она не посмеет влюбиться в своего шефа. На языке чесался вопрос: а ему-то какое дело до того, влюбится она или нет, но он так и не прозвучал. Матвеев, вернее, ее опередил, объяснившись. Хотя, по ее мнению, лучше бы ему было промолчать.

— Не хочу просто, чтобы о тебе думали, как о последней дряни, понимаешь! В память о своей прежней любви к тебе, не хочу! — с пылом воскликнул Матвеев, уже стоя у порога, намереваясь уходить. — Эта Инга — хороший, должно быть, человек, раз так живо восприняла твое бедственное положение и откликнулась. Могла бы запросто не обратить на тебя внимания... Нет, Соловьева, клятвы клятвами, но ты не смей!

И чего, спрашивается, пристали?! Не собирается она ни в кого влюбляться. Она же не дура совсем, чтобы влюбляться в женатого мужика!

Еще какая, как оказалось, дура! Еще какая!..

ГЛАВА 3

— Лиса, милая, как я рада тебя видеть! — Инга спешила к ней по сверкающему мрамором вестибюлю, широко раскинув руки.

Этим понеделеньником она выглядела еще более шикарно, чем в первую их встречу.

Высокая, длинноногая, с потрясающе тонкой талией и соразмерно высокой грудью. Короткая стрижка на темных, почти черных, блестящих волосах разметалась от быстрой ходьбы. И тоненький шарфик цвета шафрана все норовил сползти с оголенных плеч. На Инге был в тон шарфику тончайший сарафанчик, обнажающий плечи, спину, ноги.

А она-то, дуреха, маялась в выборе одежды. Матвееву теперь вон сколько денег задолжала. Он, конечно, с возвратом своих средств ее не торопит и вряд ли торопить станет, но все же...

— Привет, — сразу засмушалась своего строгого

льняного костюма Алиса, надо было не заморачиваться и надевать то, что имела, в такую жару все прощется. — Я не опоздала?

— Нет, что ты! Идем, Лиса, я тебя с твоим шефом знакомить буду. Он уже на месте. Ничего, что я тебя так величаю, а? — Инга упорно игнорировала первую букву ее имени, делая ударение на первом слоге. Так ее еще никто не называл. — Вот и славненько! Идем, твой работодатель тебя уже заждался..

Работодателю, как показалось Алисе на первый взгляд, было совершенно по барабану, сидит ли кто в его приемной, нет ли. Он весь был погружен в работу. Что-то писал, тут же подчеркивал, затем откладывал в сторону. Отвечал сразу на несколько телефонных звонков. Тут же рассеянно перебирал пять штук мобильных телефонов, судорожно извивающихся перед ним на столе в виброприпадках. В принципе, выполнял всю ту работу, которую надлежало выполнять его помощнику. Но его, кажется, это нисколько не тревожило.

Это был Алисин первый оценочный взгляд.

А на второй... она пропала.

Стоило Сергею Ивановичу поднять на нее глаза и улыбнуться, приветственно указав подбородком на стул, предлагая присесть, как Алиса тут же и пропала.

С камнепадным грохотом полетели куда-то в преисподнюю все ее клятвы и обещания, все заверения о том, что она никогда и ни за что не сможет влюбиться в женатого мужчину.

Влюбилась! Причем с первого... Нет, не с первого, со второго взгляда!

Влюбилась, как и большинство женщин, восседаю-

щих на своих рабочих местах в этой преуспевающей фирме.

Заколдован он был, что ли, или запрограммирован на то, чтобы в него влюблялись?! Или, может быть, у него в каком-нибудь потайном шкафу свой личный купидон имелся?! Сидит там тихонечко до поры до времени, перебирая пухленькими пальчиками лук со стрелами, а стоит войти какой-нибудь зазевавшейся барышне — и он тут как тут. Выстрел в сердце, и очередная жертва распростерлась у ног необыкновенного, неподражаемого Сергея Ивановича.

Алиса едва не заскулила от жалости к самой себе, когда ей пришлось пожимать его крепкую, совершенную по форме ладонь.

А пожимать-то пришлось, не откажешься же, сказавшись больной кожной инфекцией! И потом еще эту его ладонь чувствовать на своих лопатках, когда ее работодатель пошел проводить ее на новое рабочее место.

Инга к тому времени уже растворилась за дверями приемной, успев чмокнуть обожаемого супруга в гладко-выбритую щеку. И слава богу, что ее не было. А то к страданиям Алисы прибавилось бы еще и это. Тяжело все же грызться совестью, когда обещала, да не смогла...

— Вот, Алиса... — Сергей Иванович Калинин откатил секретарское кресло от стола. — Это ваше теперешнее место работы. График мы с вами потом уточним, он наверняка станет гибким, поскольку я в постоянных разъездах, встречах... Кстати, Инга не говорила вам, что вы станете меня повсюду сопровождать? Нет? Так я вам говорю.

— Это обязательно? — пролепетала она срывающимся, не похожим на ее голосом.

— Это обязательно! — подытожил Сергей Иванович, тут же принялся вытаскивать из всех карманов те самые мобильники, которые успел сгрести со стола, выложил их рядком на стол перед Алисой и указал на них, пробормотав с явным облегчением: — Это теперь ваше добро! Ну, работайте, а я — на встречу с клиентом.

Как она в тот первый свой рабочий день не тронулась рассудком, Алиса и сама не знала. Но к тому моменту, когда часы на стене показывали восемнадцать ноль-ноль, то есть финал рабочего дня, она всерьез вынашивала мысль о бегстве.

Бумаги... Бумаги... Снова бумаги... Чертежи, планы, проекты, командировки, сметы...

Она по самую макушку была завалена, не зная, что со всем этим добром делать. Тут еще телефонные звонки, растерзавшие ее мозг на тысячу рваных кусочков. Задания, которые ей надиктовал по телефону Сергей Иванович. Претензионный многоплановый тон коллег женского пола, которые, едва обнаружив новенькую в приемной, готовы были задушить ее собственными руками. Опять же назойливость коллег мужского пола, норовивших записаться в советчики и помощники, но способствующих как раз обратному процессу.

— Все! Не могу больше!!! — истерично прошептала Алиса, рассовав, наконец, бумаги по ячейкам и упав в то самое кресло на колесиках, которое ей так предупредительно предложил Калинин. — Пойду утоплюсь!!!

Словно прочувствовав ее суицидальный настрой, в

приемную заглянула Инга. Кстати, впервые за весь рабочий день. Приоткрыла дверь, глянула с сочувствием и тут же протянула:

— Э-э-э, девочка моя! Да ты скисла! Так не годится... Ну-ка давай пойдём с тобой по домам, а по дороге поговорим по душам.

Говорить с ней по душам именно сегодня Алисе совершенно не хотелось.

Вот спросит Инга о ее первом впечатлении, потом о втором, и что она должна будет рассказать?!

Что вопреки всем клятвам и обещаниям влюбилась в Ингиного мужа быстрее, чем сама могла предположить? Или что к чертям готова была бросить бестолковую работу уже во второй половине дня? Что разочарована неприязнью представительниц слабой половины человечества? Или, может быть?..

Ага! Вот о своих глупых мечтах, мешающих ей сосредоточиться весь день, Инге уж точно говорить не следовало. И не только говорить, а даже намекать!

Она же, как последняя идиотка, полдня промечтала о великолепной возможности сблизиться с Сергеем Ивановичем в одной из их общих командировок. И куда ее только не заносило! Так далеко, одним словом, и так надолго, что знать Инге об этом совершенно необязательно.

А та как вцепилась, как пристала!!!

— Как тебе мой Серый? Скажи, классный мужик! Тут все теткы от него с ума сходят!.. А ты ничего, ему понравилась... Говорит, что сработаетесь... Ты ничего такого не думай, я тебе доверяю... В поездках он любит есть овсянку, так что тебе придется ему ее готовить по утрам...

— Как это?! — вытаращилась на нее Алиса, изнывая под жарким даже для вечера солнцем.

Они вышли только что на улицу из здания, обдуваемого кондиционерами, и словно шагнули в предбанник преисподней. Каблуки тут же увязли в подтаявшем асфальте. Кожа моментально пропиталась зноем и пылью. Дыхание перехватило от духоты, а из-под волос на шею поползли отвратительные ручейки пота. Мечта любого в такой момент поскорее оказаться под прохладным душем, а Инга затеяла этот непонятный разговор.

Каша... Какая каша?! Она представления не имеет, как готовится эта каша. И каким, интересно, образом подавать ее по утрам?! Они что, станут жить в одном номере?! Или Алисе придется ранним утром бежать сначала на гостиничную кухню, а потом с горячей кастрюлькой обратно?!

— Готовить можно на спиртовке, — принялась терпеливо объяснять Инга, старательно игнорируя ее страдальческое выражение лица. — Я тебе потом подробно расскажу, как и чего нужно положить, чтобы было в соответствии с Серезиным вкусом. Так, это завтрак... Ужинает он обычно с клиентами в ресторане. Обедает там же... А вот ланч... За ланчем тебе придется быть подле него и следить за тем, чтобы он не съел ничего острого либо пряного. Желудок, знаешь!..

— А если он захочет?

— Отберешь — и все. Сошлешься на меня, в крайнем случае. Да, чуть не забыла! — Инга сделала пару шажков к своей машине, потом вдруг вернулась, поцеловала Алису в щеку и прошептала ей прямо в ухо: — И не вздумай его соблазнить, Лиса! Не вздумай, слы-

шишь!!! Я видела, как поплыл твой взгляд, когда ты его увидела. Если услышу хоть какую-то дрянь о тебе и о нем... убью, Лиса!

Это было сказано тихо, но таким тоном и без тени улыбки, способной намекнуть на возможность шутки или розыгрыша, что Алиса моментально поверила.

Убьет! Убьет непременно! Она и сама бы за такого мужчину поборолась. Едва увидев его, уже поняла это. А что говорить о жене законной, прожившей, по слухам, с Сергеем почти десять лет.

— Я не собираюсь соблазнять вашего мужа, — снова переходя на «вы», пролепетала Алиса, страшно краснея под пристальным взглядом Инги. — Это было бы глупо и непорядочно.

— Непорядочно! — фыркнула Инга и, качнув точеными бедрами, двинулась к своей машине. Потом еще раз оглянулась и покачала головой. — Дурочка ты еще, Лиса! Красивая, наивная дурочка... Очень редкое сочетание, кстати. Обычно к красоте подлость прилагается, а тут... почти клинический случай. Ладно, до завтра. И помни, что я тебе сказала...

До дома Алиса добиралась почти час. Автобусы шли переполненными один за другим, никого не высаживая и никого не принимая в свое огнедышащее нутро. На такси денег не было. Вернее, их надо было экономить. Кто знает, когда в этой конторе выдается зарплата и доживет ли она до нее? Не в том смысле, что доживет биологически! А в том, что сможет вылететь с треском уже через неделю.

Не справляется же? Не справляется! Мечтаниям бесплотным предается? Предается! Путается во всем,

включая указания самого главного руководителя? Еще как!

Так что Инге не стоило так расстраиваться, вряд ли ее деятельность вдохновит Сергея Ивановича на длительный союз с такой нерасторопной девахой, как она — Алиса...

— Как твой первый рабочий день? — Матвеев, надо же, позвонил, не забыл и даже не забыл добавить с издевкой: — Как твой новый шеф? Готова познать с ним первый сексуальный опыт? Не мечтала, в смысле?

Алиса вдруг так разозлилась и на его развязный тон, и на то, что он наверняка все это выдает ей в присутствии своей неподражаемой Ангелины, что возьми и брякни:

— Готова, знаешь!

— Что, и в самом деле так хорош? — произнес Матвеев через паузу.

— Ага! — ничего не стала она отрицать и тут же добавила совершенно искренне и правдиво: — Вот просто как глянула на него, так сразу и втрескалась по самые уши, представляешь! Никогда не знала, где он бродит: мой мужчина. А оказалось, что и не бродит во-все, а сиднем сидит в своем офисе.

Матвеев снова не позволено долго молчал, то ли переваривал, то ли, прикрыв трубку ладонью, рассказывал своему ангелу, какая дура его бывшая возлюбленная. Потом все же спросил со странным вздохом:

— А как это Инга восприняла? Ну, твою готовность...

— Сказала, что убьет, — запросто так объяснила Алиса, морщась от боли в ногах: разношивать новую

обувь ей всегда бывало нелегко. — Только, говорит, что-то услышу... Малейший намек или вздох, так сразу и того...

— Значит, она поняла! Поняла, что чары ее благоверного не оставили тебя равнодушной! Нет, ну ты даешь, Соловьева! Ты просто... Просто идиотка какая-то! Как долго ты собираешься там проработать? День, два, неделю?..

— С чего это? — Боль в ступнях мешала сосредоточиться на словах Антона.

— А с того, что если тебя не уволят так сразу, то неприятностей тебе не избежать... И это в лучшем случае! — подытожил Матвеев.

— А в худшем? — переполюшилась моментально Алиса, не к месту вспомнив о том, что всегда и во всем оказывается прав Антон.

— А в худшем подставят так, что... Что лучше бы тебя уволили!

И бросил трубку, гад! У нее моментально возникли вопросы к нему. Должен же он был ее по-дружески хотя бы, если других чувств никаких не осталось, предостеречь. Или набросать приблизительную схему того, что может случиться или...

А он взял и трубку бросил! Или не бросал? Или это Ангелина нажала на рычажок, устав от их беседы? Как бы там ни было, но сомнения Матвееву удалось в ее нежную душу заронить. Сомнения, опасения и что-то еще тревожное такое, от чего у нее неприятно начинало поламывать в желудке и стучать в висках.

Засыпала Алиса в тот вечер с одной-единственной надеждой: может, все и не так страшно, как намалевал ей этот негодный Антон Матвеев? Может, все и утрясется, а?..

ГЛАВА 4

Гнусные предсказания бывшего дыхателя начали сбываться ближе к осени. Все лето Алиса ждала: ну вот-вот, сейчас начнется... Сейчас на нее посыпятся все возможные и невозможные неприятности. Сейчас, вот сейчас, уже почти послезавтра все самое страшное перестанет быть просто опасением и...

Ну, ничего, как ни странно, не происходило! Ничего!

Все шло нормально.

Алиса потихоньку вживалась в коллектив и даже стала ловить на себе несколько присмирившие взгляды сотрудниц. С мужчинами тоже был полный порядок. Те моментально прониклись уверенностью, что у нее кто-то есть и что их шансы далеко в минусе. Работа перестала казаться бестолковой, и справлялась она с ней почти играючи. Сергей Иванович, побудоражив несколько бессонных ночей ее воображение, отошел к разряду недостижимых величин. Инга присмирела, безошибочно это угадав, и они с ней даже несколько раз обедали вместе. Не нервничала больше из-за их совместных командировок. Да и Алиса перестала дергаться и даже кашу научилась готовить Сергею Ивановичу именно такую, какую он любил. Ей не пришлось бегать по утрам по гостиничным кухням.

Делалось все элементарно. В глубокую тарелку насыпались овсяные хлопья, заливались молоком, туда же немного изюма, чищенных и мелко нарезанных яблок, соль, сахар — и в микроволновку на три-четыре минуты. Кашка получалась объединение просто. Сергей Иванович хвалил. Инга потом, кстати, тоже.

Все шло просто отлично.

Но в начале сентября произошло такое!..

Утро было, как утро. В меру прохладное, в меру солнечное. Небо безоблачное, солнце сквозилось сквозь шторы, подбираясь к ее левому глазу, прободив огненную дорожку от подбородка по щеке.

Алиса потянулась, выпростав руки из-под одеяла. Глянула на будильник, поняла, что тот зазвонит минуты через три, и снова блаженно зажмурилась. Три минуты! Целых три у нее в запасе. Потом она встанет, примет душ, позавтракает и отправится на службу. С удовольствием причем отправится. Нравилось ей там.

Будильник зазвонил в положенное время, потом, придавленный ее ладонью, поспешно умолк. Алиса сползла с кровати и с обычным своим утренним постановиванием пошла в ванную. Приняла душ, причесала волосы. Подобрала их повыше, мудроно заколола, она теперь всегда так делала. И пошла на кухню готовить завтрак. Готовить-то особо было нечего, Алиса по утрам почти ничего никогда не ела. А тут вдруг захотелось омлета. Да еще с колбаской, и с лучком, и с тремя большими кляксами кетчупа по краю тарелки.

Все это она неторопливо приготовила. Сдвинула со сковородки омлет в тарелку, полила соусом, сложила с другого края мелко нарезанную колбасу и начала убирать с рабочего стола скорлупу с колбасной шкуркой. Сгребла все на разделочную доску, распахнула шкаф под раковиной, где у нее находилось мусорное ведро, и замерла от неожиданности.

В самом центре помойного ведра на горке из черстных хлебных корок восседали две мыши и сосредоточенно грызли то, что Алиса бессовестно засушила в

своей хлебнице. На ее появление, на полосу света, которую она впустила, открыв шкаф, мыши даже не отреагировали. Как сидели, угощаясь, так и продолжили сидеть.

Минуты полторы понаблюдав за их бесцеремонностью, она резко отпустила дверцу, шарахнув ею изо всей силы, и тут уж завизжала от души.

Она орала достаточно громко и так долго, что в дверь позвонила соседка снизу.

— Алиса! Что случилось, детка?!

Мария Ивановна трясла головой, унизированной стародавними пластмассовыми бигудями, и в страхе смотрела на девушку, держащую в руках разделочную доску с яичной скорлупой и колбасными шкурками, она же так и не выбросила мусор. Некуда было, знаете ли! Подселение у нее случилось в помойном ведре...

— Марь Иванна! Там такое!!! — Алиса махнула ослабевшей рукой в сторону кухни. — Там... там мыши!

— О господи! — Соседка снизу выдохнула с заметным облегчением и вошла, наконец, в Алисину квартиру. — А я-то уж подумала... Такой визг! Такой визг я уже не помню, когда слышала в последний раз. А я пожила, да... Покойница Тамара вторично скончалась бы от такого твоего визга.

Тамарой звали покойную бабушку Алисы по отцу. Вредная была бабка и нелюдимая. С сыном общалась нечасто, о внучке и слышать ничего не желала, ожидая при рождении внука. Но квартиру неожиданно завещала Алисе и даже письмо какое-то оставила. Оно хранилось у нотариуса, и тот должен был зачитать его непременно в день Алисиной свадьбы.

Мать, услышав об очередном выверте старой карги, презрительно фыркнула. Отец смущенно почесал затылок. А Алиса тут же принялась фантазировать:

— Может, она мне сокровища какие-нибудь оставила к свадьбе, а, ма?! Может, колье какое на миллион долларов или вполмиллиона, но тоже ничего...

— Хорошо, что хотя бы квартиру фонду бездомных кошек не оставила! — восклицала в таких случаях мать. — Зная нашу бабушку, я бы не удивилась, да! А ты о колье каком-то говоришь! Да и откуда бы ему было взяться, детка?! Бабка жила, как церковная мышь!

Отец в прениях не участвовал, но на дочь в таких случаях всегда смотрел со смесью загадочности и сожаления одновременно, а еще, быть может, стыда. Объясняться он не желал, лишь пожимая плечами на Алисины многочисленные вопросы.

Потом она о письме позабыла совершенно, вспоминала лишь изредка, когда соседка и подруга бабки — Мария Ивановна — начинала недобрым словом крыть покойницу. Вот она-то однажды и ляпнула, слегка забывшись за бутылочкой вина:

— Она, Томка-то, скаредная была, упокой, господи, душу ее грешную. Все прикидывалась, все прикидывалась нищей, а на самом деле...

— Что? — заинтересованно откликнулась Алиса, заглянув через плечо Марии Ивановны, потому как та туда беспрестанно косилась. — Что на самом деле?

— А на самом деле деньжищ у нее была прорва! Только прятала она их! Ото всех прятала, а в первую очередь от себя самой.

— Почему? — вопросом семейных реликвий или